

УДК 323.1+304.2+39

DOI статьи: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.165

Исследование меньшинств: между наукой и политикой¹

© **Ландсем Лена Ингиле**, аспирант, кафедра археологии, истории, религиоведения и теологии. E-mail: lena.i.landsem@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между наукой и политикой в исследованиях меньшинств в период с 1979 до середины 1980-х гг. в Университете Тромсё. На исследование оказали влияние различные условия того времени, такие как политические события и приоритеты и идеологические потоки в академических кругах. Три фактора повлияли на выбор темы, приоритетов и

подходов к исследованиям меньшинств в Северной Норвегии. Первым фактором было возведение дамбы на реке Алта-Каутокейно, затем борьба за права саамов и политические изменения в отношении саамского населения в Норвегии. Каковы были последствия этой политики для исследований в академической среде в Северной Норвегии? Вторым фактором стала исследовательская программа, проводимая Норвежским общим научно-исследовательским советом (NAVF). Анализ соответствующих тем и тематических областей в исследованиях меньшинств осуществляется на основе этой исследовательской программы. Наконец, будут использоваться методологические и исследовательские политические дискуссии по эмическим и этическим позициям, которые были значимы в 1980-х гг. Только ли саамы или также исследователи, принадлежащие к этническому большинству, имели право проводить исследования саамов? Источниками явились внутренние документы, отчёты, научные статьи и устные сведения из UiT.

Ключевые слова: исследование меньшинств, исследовательская политика, Университет Тромсё, исследования саамов и квенов

Research into minorities: between science and politics²

© **Lena Ingilæ Landsem**, Ph.D. candidate, Department of Archaeology, History, Religious Studies and Theology. E-mail: lena.i.landsem@uit.no

University of Tromsø — The Arctic University of Norway.

Abstract. The article examines the interplay between science and politics in minority-research in the period 1979 to mid-1980s at the University of Tromsø. Research was influenced by different conditions at the time, such as political events and policy priorities and ideological of streams in academia. Three factors influenced the choice of theme, priorities and approaches to minority-research in North Norway. The first factor was the damming of the Alta-Kautokeino river, followed by Sami rights struggle and political changes towards the Sámi population in Norway. What consequences did the political case for the research for the academic environment in the Northern Norway? The second factor was the research-program run by the Norwegian general scientific Research (NAVF). An analysis on the relevant themes and focus areas within minority-research is undertaken on basis of the research program. Finally I will use the methodological and research political discussions on emic and etic research positions that took place in the 1980s. Was it the Sámi themselves, or also the researchers belonging to the majority that had the right to pursue research on the Sámi? Sources consist of internal documents, reports, research papers and oral sources from the UiT.

Keywords: research on minorities, research politics, University of Tromsø, Sami and Kven research

¹ Автор благодарит Мэри Джонс за перевод статьи на английский язык. Ответственность за возможные ошибки в тексте, тем не менее, лежит на авторе статьи.

² Thanks to Mary Jones for translating the article into English, while it is the author who stands responsible of the remaining faults in the text.

Введение

Тема этой статьи — исследование меньшинств, проводимых в Северной Норвегии в период с 1979 до середины 1980-х гг. Главная цель — осветить взаимодействие между исследованиями и политикой в этот период. В то время Университет Тромсё (UiT) был одним из четырёх университетов Норвегии, и после своего создания в 1972 г., он взял на себя ответственность за получение знаний, полезных для регионального сообщества, включая саамские и финские населённые пункты в Северной Норвегии.³ Исследования меньшинств были связаны с политическими событиями, приоритетами академической политики и идеологическими тенденциями. Выбранный период иллюстрирует, как академические внешние и внутренние отношения влияли на приоритеты исследователей в научных темах, а также на дисциплинарные и идеологические подходы.

Эта статья состоит из трёх частей и посвящена трём вопросам. Первый вопрос связан с политическим сообществом, которое характеризуется судебным процессом по развитию власти в районе Финнмарк, известным как «дело Алты», с последующей борьбой саамов за гражданские права и центральными политическими изменениями в отношении населения саамов в Норвегии. Как академические круги в Северной Норвегии справлялись с политическими действиями и проводили различие между политическими и академическими задачами?

Второй вопрос связан с академической политикой, в рамках которой наука сталкивается с установкой приоритетов в обширной исследовательской программе под руководством Норвежского общего научно-исследовательского совета (NAVF). Аргументация, лежавшая в основе исследовательской программы, длившейся девять лет, показывает, какие темы считались актуальными в исследованиях меньшинств. Эта программа была нацелена на две группы: меньшинства саамов и меньшинства на финской границе (квены), которые утвердились в этом регионе между 1700 и 1900 гг. «Дело Алты» стало темой прав меньшинств, и исследовательская программа должна была внести вклад по сохранению языка и культуры меньшинств, но можно ли их рассматривать одинаково?

Заключительный раздел статьи посвящён различным подходам к исследованиям меньшинств, которые возникли в академических теоретических дискуссиях в 1980-х гг. Можно ли обнаружить сдвиг парадигмы в дебатах о культурных исследованиях? Основной вопрос заключается в том, как исследовательское сообщество сделало саамов «слабой» группой по отношению к норвежскому обществу, чтобы подчеркнуть потребности исследований.

³ Поскольку термин «квен» был обычным названием этой группы в академических кругах в тот период, я буду использовать его во всей этой статье. Этот термин имеет более широкое значение и обычно не используется самими меньшинствами.

В этой статье рассматривается небольшая часть докторской работы, охватывающей период 1972–1990 гг. по той же теме, в которой анализируется взаимосвязь между исследованиями и политикой в исследованиях Арктики в отношении меньшинств в Норвегии. Документы семинара, программные документы и отчёты об оценке являются основными источниками, которые использовались для рассмотрения этих вопросов. Я также использовал устные интервью. До этого тема не изучалась так глубоко и тщательно. Таким образом, эта статья несёт в себе следы фундаментальных исследований и методологически является герменевтической и контекстуализированной. Источники читаются с интересом к научным намерениям, к которым стремились, и к позициям, принятым в ходе дискуссии о предпочтительном научном направлении. Основное внимание уделено взаимодействию между общественными дебатами, борьбе саамов и квенов за свои права и влиянием этих контекстуальных событий на переговоры в рамках UiT.

Политическая борьба за права саамов

Силовое развитие в случае с водотоком Алта-Каутокейно («дело Алты») доминировало в политике Норвегии в период 1979–1982 гг. и в ретроспективе достигло решающего момента в политической мобилизации саамов из-за изменения правительственной политики в отношении саамского народа. Одной из причин этих изменений было, вероятно, то, что этот случай затронул академический мир так же, как и мир политики. Вовлечение в дело было сопоставимо с политической культурой участия в 1970-х гг., которая была окрашена восстанием студентов в 1968 г., кампанией ЕЭС в 1970–1972 гг., движением за защиту окружающей среды и женским движением, а также общей ориентацией на идентичность и корни. Этническая политическая мобилизация была частью этого, а также международного феномена. В Норвегии ссылка на «дело Алты» обеспечила легитимность политического движения саамов в глазах национальных властей. Университет Тромсё служил ареной политической мобилизации и академической проблематизации развития власти и прав саамов. «Дело Алты» было единственным вопросом, который наиболее чётко определил связь между политикой и социальными науками в академическом мире Северной Норвегии.

В чём состояло «дело Алты»?

Обстоятельства «дела Алты» иллюстрируют, с чем пришлось иметь дело исследователям, поэтому здесь необходимо краткое пояснение. Временные рамки дела охватывали период с 1968 по 1982 г. и в широком смысле были связаны с конфликтом относительно планов принятия и завершения строительства электростанции в водотоке между Каутокейно и Алтой в районе Финнмарк. С одной стороны, утверждалось, что развитие энергетики отри-

цательно скажется на запасах лосося в реке и оленеводстве в регионе, в то время как с другой стороны аргументы были за то, что это обеспечит энергию для ожидаемого технологического развития в стране. Те, кто выступал против развития, включали активистов по охране окружающей среды, секторы местного самоуправления (партия лейбористов, которая в то время находилась у власти, и в которой произошел раскол из-за этого случая), организации, занимающиеся интересами саамов и народное оппозиционное движение, а норвежские водные ресурсы, Директорат по вопросам энергетики (Norgesvassdrags-ogenergivelsen, NVE) и национальные и региональные власти хотели развития энергетики, которое обеспечила бы плотина.⁴

Серьёзное противодействие этим планам появилось летом 1978 г. в Алте, когда было создано «народное оппозиционное движение по развитию водотока Алта-Каутокейно», а в ноябре того же г. оно усилилась после того, как парламент дал своё согласие на план развития правительства, который был затем ратифицирован в июне 1979 г. Разногласия относительно законности этого соглашения привели к рассмотрению дела в окружном суде Алты.

Самые масштабные демонстрации проходили летом и осенью 1979 г. и в начале 1981 г. Демонстранты разбили лагерь в Стилле, где начиналась строительная дорога, а группа активистов-саамов разместилась рядом со зданием парламента с чётким набором требований к правительству, что привело к голодовке, когда правительство им отказало.

Различные группы имели разные точки зрения. Некоторые требовали прекращения разработки до тех пор, пока её законность не была бы подтверждена в судебном порядке. Другие требовали прекращения разработки независимо от юридического решения, в то время как третья секция, включающая региональные власти в Финнмарке, считала, что разработка должна продолжаться. Впоследствии вопрос о законных правах саамов был включён в политическую повестку дня, а в октябре 1980 г. правительство назначило Комиссию по правам саамов (Samerettsutvalget), чтобы разобраться в вопросе о правовой позиции саамов в Норвегии. «Дело Алты» было заслушано в декабре 1980 г. в окружном суде Алты, который принял решение о том, что постановление правительства в ноябре 1978 г. является юридически обязательным. Затем дело было передано в Верховный суд, и запланированные строительные работы были начаты в 1981 г.

Оппозиция к тому времени стала устоявшейся и была готова снова принять меры в Стилле. Власти противостояли этому протесту силами 600 полицейских, а 14 января 1981 г.

⁴ Подробное описание дела читайте в Norges Offentlige Utredninger, номер 13 om Norske samers rettslige fremtid: samerettsutvalget med delinnstilling våren -84. Menneskerettigheter, с. 50–68.

они убрали порядка 800–1000 демонстрантов со строительной дороги, свидетелями этого стали 150–200 представителей СМИ, которые освещали дело. Четыреста демонстрантов были привлечены к ответственности. К вечеру проезд был очищен от людей, но активисты-саамы продолжали в Осло новую голодовку перед зданием парламента. Группа саамских женщин также прибыла в столицу, чтобы поговорить с премьер-министром Гро Харлем Брундтланд. Саамские женщины не получили её поддержки и остались в кабинете премьер-министра с 6–7 февраля. Освещение СМИ протестов в здании правительственного офиса мобилизовало большое количество людей, которые симпатизировали политическому движению саамов. Группа была разобщена полицией в конце дня. «Дело Алты» было урегулировано в Верховном суде 26 февраля 1982 г. — разработка была признана законной.

«Дело Алты» началось как борьба за защиту реки и превратилось в борьбу за права саамов и обращение норвежского государства с саамами как с коренным народом. Одним из ключевых вопросов в конфликте, который был уместен в академическом контексте, был вопрос о том, могут ли, и в какой степени представители саамов признать правовую защиту как этническое меньшинство и коренное население, или же саамы — по мнению правительства — имели права и обязанности норвежских граждан [1, с. 64]?

Учёные, участвовавшие в «деле Алты»

«Дело Алты» было политическим событием, которое в значительной степени повлияло на академическую среду в Северной Норвегии. Участие в публичных протестах, использование университета студентами в качестве арены для распространения политического послания, а также организация крупномасштабного семинара по этому делу демонстрируют как политическое участие, так и акцент на академическом изучении проблемы, относящейся к политике того времени.

Многие академические сферы занимались этим делом. Саамская интеллектуальная сцена, связанная с Северным Саамским Институтом (ССИ) в Каутокейно, объединила свою исследовательскую роль с активной оппозицией по решению правительства построить электростанцию. С точки зрения института, это было напоминание о том, насколько слабой была правовая позиция саамского народа по сравнению с норвежским народом. С тех пор как в 1973 г. был создан ССИ, исследователи инициировали и участвовали в культурном движении саамов и проводили как местную, так и международную политику, основываясь на общей цели служения саамскому населению на землях Северных стран во всех областях [2, Kalstad J.K.H., с. 41]. Осуществлялось тесное сотрудничество с организациями саамов на национальном уровне и организациями коренных народов на международном уровне, среди прочих,

активную роль на международных аренах в этом играла Аслак Нилс Сара. Вместе с организациями саамов ССИ провёл несколько встреч с Комиссией по правам саамов, и таким образом исследователи вносили свой вклад в работу по составлению публичного доклада. Здесь исследователи занимались определением «этнической принадлежности» и внесли предложения относительно состава и модели парламента саамов [3, Keskitalo A.I., с. 34]. С самого начала были очевидны три аспекта: непосредственное участие саамских учёных, стремление к непосредственному внедрению знаний о саамах и отображение отношения между саамами и норвежскими обществами как асимметричное.

Исследователи из ССИ стали известны благодаря их участию в общественных делах в 1970-х и 1980-х гг. Правила института показывают, что они шли в соответствии с основным принципом, играя активную роль в политическом развитии саамского общества. Они считали, что наука в конечном счёте связана с политическими ценностями и не может претендовать на то, чтобы быть этнически объективной [4, Keskitalo A.I.]. Таким образом, научная борьба получила эпистемологическую основу: вся наука была окрашена восприятием научного наблюдателя. Примером этого может служить западная наука, которой руководствовались политические власти в своих интересах. Точно так же производство знаний и их передача от саамского общества и о нём будут способствовать стремлению к политическим переменам. Научная деятельность осуществлялась в форме передачи государственным органам информации о потребностях саамского общества и о его представлениях о мире.

Для Университета Тромсё «дело Алты» стало возможностью повысить свою академическую компетентность. Для группы исследователей саамов/этнических отношений, на которую была возложена особая ответственность за исследования отношений с саамами, «дело Алты» было чрезвычайно желанным.⁵ «Было постоянное ощущение, что «это важно», «вовремя»; здесь они могли бы внести свой вклад и быть «полезными», по мнению антропологов Саугестада и Рамстада [5, с. 100]. Группа взяла на себя как научный, так и политический план работ.

Необходимо было продемонстрировать факты о положении дел прав саамов. Научное участие проявило себя в виде семинара по теме «Права коренных народов: что говорит об этом норвежская юридическая практика?», прошедшем осенью 1979 г. в Университете Тромсё, одновременно с первой крупномасштабной демонстрацией в Стилле. Некоторые из приглашённых были международными исследователями, и исследовательская группа наде-

⁵ Группа, исследовавшая саамов и межэтнические отношения, была одной из пяти междисциплинарных исследовательских групп, организованных Институтом социальных исследований в UiT. Члены группы проводили исследования в области этнографии, географии и антропологии.

ялась, что их анализ групп коренного населения в других странах может послужить основой для сравнения и для обсуждения ситуации с саамами в северных странах [6, Thuen T., с. 5]. Семинар финансировался Университетом Тромсё и был открыт для общественности. Среди участников были представители различных саамских организаций в скандинавских странах, а также представители премьер-министра и генерального прокурора. Последние двое присутствовали на семинаре в качестве наблюдателей.

Одна из основных целей заключалась в том, чтобы продемонстрировать, как структура норвежской государственной администрации создавала ограничения для защиты интересов саамов, которые существовали на основе собственных культурных и экономических условий группы.⁶ Современные административные сферы включали оленеводство, местное планирование и предпринимательство, жилищные схемы, и саамское предпринимательство и фонд развития. Одна из вспомогательных целей заключалась в том, чтобы показать взаимодействие между администрацией и этническими меньшинствами, которое может быть истолковано, с одной стороны, как область распределения государственных ресурсов, а с другой — как сфера коммуникации. Исследователи хотели проанализировать способы мышления и вопросы, которые, по их мнению, передавались посредством таких сигналов, как речь, действие, репрезентативные случаи, слушание [6, Thuen T.]. Национальная пресса сообщила о семинаре как о попытке раскрыть смысл претензий саамов, а также как о попытке «формирования дискуссии о том, в какой степени правовые меры не должны применяться в отношении саамов».⁷

Семинар показал, как исследователи участвовали в одновременных дебатах об обществе, но исследователи не были полностью единодушны в отношении того, какой подход был бы наиболее продуктивным для использования в этой жаркой политической ситуации. Известно, что Лейбористская партия была разделена как на региональном, так и на центральном уровне в отношении развития власти. В Университете Тромсё состоялось внутреннее обсуждение того, какую стратегию должны использовать исследователи для рассмотрения мнений, не совпадающих с отношением правительства к данному делу. Эта дискуссия иллюстрирует внутреннюю напряжённость в свете роли исследователей как посредников между большинством и меньшинством или как субъектов в выявлении фактических последствий государственной политики. С одной стороны, утверждалось, что сосредоточение внимания на отношениях между рабочим движением и движением саамов может провоциро-

⁶ Herstad J. Institutt for samfunnsvitenskap, Universitetet i Tromsø, Årsrapport 1978. 1979. p. 41.

⁷ Hjort-Larsen, Arvid. Seminar om same-rett. Verdens Gang. 07.11.1979.

вать правящее правительство Лейбористской партии. Возможно, стратегически неверно провоцировать правительство в уже вспыхнувшем конфликте, когда есть надежда, что академические оценки данного дела могут заставить изменить его взгляды. С точки зрения студентов, некоторые из которых были саамами, казалось, что исследователи принимают роль адвоката и действуют как опекуны, выступая от имени группы, вместо того чтобы саамские учёные могли представить дело самостоятельно [7, Stordahl V., с. 178].

В семинаре коренных народов участвовало значительное количество слушателей, и после его проведения широкое распространение получили целенаправленные публикации: содержание семинара было опубликовано в антологии в 1980 г. Библиография саамов была опубликована в качестве приложения [6, Thuen T.; 8, Thuen T.]. Сокращённые версии лекций, адаптированных для широкой аудитории, были опубликованы музеем Тромсё в популярном научном журнале «Ottar» в 1981 г.⁸

После семинара антропологи Ивар Бьёрклунд и Терье Брантенберг составили отчёт о последствиях строительства электростанции для оленеводства в регионе. Они считали, что общественное обсуждение оленеводства в связи с «делом Алта» не показало правильного понимания того, что действительно произошло [9]. Отдел этнографии музея Тромсё также подготовил письменный отчёт, связанный с законом о культурном наследии в регионе в то время.⁹

Политическая работа в академических масках

Студенты из Университета Тромсё использовали академическое сообщество в качестве арены для мобилизации оппозиции по «делу Алты».¹⁰ Это было достигнуто за счёт распространения информации и сбора средств. Копировальные машины университета использовались для копирования документов для саамской политической партии «Норвежская ассоциация саамов» (Norske Samers Riksforbund, NSR), которая хотела распространять академические статьи по отношениям с саамами, написанные в университете.

Работа выполнялась частично в секрете. Академический персонал в Университете Тромсё закрывал на это глаза, и ученикам было позволено сделать это под предлогом копирования академических статей. Деньги были собраны от имени НАС. Студенты использовали

⁸ Alta-sak — samesak — urbefolkningssak. Ottar, 1981, volume 129.

⁹ Storm D. "Ressursutnytting i Vest-Finnmark og Kvænangen", Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1977; Storm D. "Undersøkelse om samisk bosetting og ressursutnyttig i Kvænangen Tromsø" Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1978; Storm D., "Registrering av samiske kulturlevninger." Samisk-etnografisk avdeling, Tromsø Museum 1978.

¹⁰ Интервью с Вигдис Стурдал, 2015.

списки сотрудников для распространения бланков приходных ордеров. Академические титулы использовались для достижения целей через политические каналы.

И студенты, и сотрудники университета принимали участие в демонстрациях в Стил-ле. Были разные взгляды на то, как сотруднику принимать участие в этой политической акции. С одной стороны, утверждалось, что «беспристрастная информация для всех вовлечённых сторон является наилучшим вкладом в дело саамов».¹¹ Политическое участие могло потенциально ослабить академический аргумент в глазах общественности. Антрополог Пер Матисен утверждал, что разграничение между экспертными знаниями и политикой сделает экспертное мнение гораздо более сильным. Он утверждал, что дело не в том, чтобы быть «политиками в академической одежде», что было особенно важно в отношении «дела Алты». Другие члены персонала предпочли путешествовать в Стиллу, считая, что участие в политических действиях было не только законным, но и необходимым для того, чтобы создавать политические последствия.¹² Академическим демонстрантам было формально необходимо получить разрешение от группы исследователей саамов/этнических отношений, чтобы люди вне академической сферы не рассматривали свою деятельность как часть своей академической работы.¹³

Подводя итог, можно сказать, что академическое сообщество в Северной Норвегии внесло свой вклад тремя различными способами: научная критика этого дела, их политическая деятельность и подготовка публичных отчётов. «Дело Алты» вызвало высокий уровень участия научных кругов, причём основное внимание уделялось правам меньшинств, включая права саамского населения. Академический и политический уровни были тесно связаны друг с другом, что затрудняет определение исследователей в соответствии с их политическими или академическими задачами. Все признавали, что исследования имеют политические последствия, но были разные мнения относительно того, в какой степени этим следует заниматься.

Знания о меньшинствах на севере

Дискуссия о правах саамов создала потребность в более глубоких научных знаниях о меньшинствах на севере, в том числе в гуманитарных науках. Историки Университета Тромсё оказали давление на исследовательский совет с целью предоставления средств для гуманитарных исследований меньшинств. Опубликованный в 1975 г. доклад о гуманитарных науках показал, что исследования по изучению этнических меньшинств в Норвегии были в дефици-

¹¹ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

¹² Интервью с Иваром Бьорклундом, 2016.

¹³ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

те. Это оправдывало междисциплинарную исследовательскую программу под названием «Язык, история и культура саамов и квенов», которая длилась с 1981 по 1990 г. в пределах суммы в 18 миллионов крон.¹⁴ Предварительный проект, датируемый 1980 г., под руководством историка Нарве Бьорго, описывает преобладающую исследовательскую ситуацию в этой области и даёт представление о том, почему необходимо инвестировать в исследования отношений саамов и квенов [10, Baudou E., с. 10].¹⁵

Представление аргументов было сосредоточено на трёх факторах. Во-первых, необходимость использования новых перспектив исследований; во-вторых, нанимать людей из этих меньшинств в академические круги; в-третьих, сохранить данные исследований.

В докладе говорилось о дебатах в обществе в 1970-х гг. о том, какие перспективы видят исследователи, кому эти исследования должны служить, кто должен руководить ими и кто должен определять цели исследований.¹⁶ Эти аспекты исследовательской политики должны быть приняты во внимание, чтобы «те, кто пострадал, получали разумную выгоду (от самого исследования)». Исследования по меньшинствам и исследования по этническим группам должны не просто включать исследования методов разработки для большинства». ¹⁷ Не было единодушия касательно найма сотрудников. Некоторые утверждали, что «исследования должны проводиться самими коренными народами и [...] проходить на их условиях». ¹⁸

Ранее исследования проводились на условиях, продиктованных обществом и национальным государством, а меньшинства имели право сами заботиться о своих духовных и материальных ценностях. Этот аргумент иллюстрирует отношение к тому, что саамы и квены обладают культурной и лингвистической компетенцией для проведения более качественных исследований, чем люди, которые не принадлежат к этим группам. Другие утверждали, что люди с норвежским этническим происхождением должны также быть привлечены к таким исследованиям и могут быть одинаково полезны. Приём на работу также обеспечил бы «новые» секторы общества, в которых саамская и квенская культура стала бы их частью.

¹⁴ В 2016 сумма 64,8 млн норвежских крон была равна 7 578 238 долл. США.

¹⁵ Бьорго сформулировал заметки, взятые из источников, предоставленных 15 исследователями, охватывающих многие научные области, связанные с академической средой саамов, музейной сферой, региональной административной системой сохранения культуры и тремя из четырех национальных университетов. Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. с. 1–8. .

¹⁶ Там же, с. 11.

¹⁷ Там же, с. 12. Венке Олсен, цитируя Бьёрго.

¹⁸ Там же, с. 13. Орнульв Воррен, цитируя Бьёрго.

В качестве аргумента сохранения подразумевалось, что исследовательские данные, относящиеся к этим культурам, должны были быть защищены, пока не стало слишком поздно. Необходимо систематически приобретать источники, хранить их и готовить к исследованиям в области культуры.¹⁹ В Норвегии, Финляндии и Швеции существовал потенциал для сотрудничества между исследователями, которым должен был воспользоваться исследовательский совет. В поле исследований нужно входить очень осторожно: чтобы не оказывать ненужного давления на осведомителей в обществах квенов и саамов. Необходимо было ограничить и регулировать норвежские исследования существующими исследованиями северных стран, которые уже проводятся в этой области.

Утверждалось, что многие аспекты языка, истории и культуры квенов и саамов были недостаточно изучены по сравнению с другими формами национальной культуры. Необходимо было освещать многие темы, такие как: 1. Теоретические исследования, представляющие общий интерес для исследований меньшинств; 2. Регистрация, сбор, сохранение и переговоры по использованию документарных материалов для исследований; 3. Лингвистика, в том числе диалектное исследование, текстовый анализ, изучение названий, социолингвистика, преподавание языка, лексика, терминология; 4. История, религиозная история; 5. Культурные исследования в рамках академических дисциплин, таких как фольклористика, этнология и этнография; 6. Специальные исследования в области социальных наук.

Были выделены средства, и акцент был сделан на трёх областях: раздел научной теории и программы исследований квенов и саамов.

Целью программы научной теории гуманитарных исследований меньшинств было открытие пути для сотрудничества с общественными науками с помощью теории социальных наук при анализе отношений между меньшинством и большинством. Исследования в области социальных наук по «слабым группам» и исследованиям конфликтов также должны быть связаны [10, Baudou E., с. 55]. Ориентация на более широкие научные рамки привела бы к вкладу в разработку основы, необходимой для гуманитарных исследований меньшинств, и программа оказала своё воздействие на два других раздела.²⁰ Этот подход поддерживал слабое положение саамов по отношению к государству.

Программа по исследованию языка, истории и культуры квенов имеет чёткий элемент культурного сохранения и направлена на сохранение и систематизацию исследовательских материалов в областях языка квенов и популярной культуры. В этом разделе исследователи

¹⁹ Там же, с. 14.

²⁰ Это обсуждается далее в этой статье, в разделе «Перспективы исследований».

смогли найти источник финансирования для исследовательских проектов. Фонды не предназначались для стипендий аспирантов, но эта ситуация изменилась в 1985 г.

Программа по исследованиям саамского языка, истории и культуры была гораздо более всеобъемлющей, чем программа по исследованиям квенов. Помимо финансирования исследовательских проектов, средства были направлены на программу набора персонала, а также на учебную программу для аспирантов. Темы в саамской программе были более подробные и сосредоточенные на диалектных исследованиях, сохранении языка/практической языковой работе и грамматических исследованиях, подготовке исходных сборников для изучения истории саамов, предыстории и истории поселений (археология/демография), а также на политических исследованиях меньшинств, процессах перемен в саамской культуре за последние 500 лет (отношения саамов — поселенцев), на истории религии и религиозной социологии [10, Baudou E., с. 57].²¹

Исследователи Университета Тромсё проявляли активность, работая с этой национальной программой, а также продолжали работу после промежуточной оценки деятельности в 1985 г. В целом, в программе было создано около 50 проектов, поддерживающих исследования и образование, более половины из которых были проведены под руководством Университета Тромсё.²²

Саамы и квенны: вместе или врозь?

Поскольку программа проходила под названием «Язык, история и культура саамов и квеннов», представляется разумным сравнить, как работали с темами саамов и квеннов. Обе группы были подвергнуты политике норвегизации (с середины XIX в. и до периода после Второй мировой войны) и, таким образом, страдали от тех же последствий: их особая ненорвежская культура распалась и стала либо частично, либо полностью ассимилированной. Саамы и квенны проживали в одних и тех же географических регионах в течение 150–250 лет, будучи объединёнными вместе и в своих общинах. С религиозной точки зрения, многие из них могут быть отнесены к членам лютеранского апостольского христианского движения (Læstadianism), которое пересекло национальные границы и создало общую идентичность как христиан, так и «детей Божьих» [11, Niemi E.].

²¹ На практике работа проходила в три этапа. Фаза 1 (1981) была посвящена инаугурации и профилированию детали программы. Этап 2 (1982–1985-е гг.) был назван фазой поддержки проекта, этап, в котором в основном планировалось проведение исследований. На третьем этапе (1986–1990-е гг.) проводилась оценка результатов и была создана программа институциональной поддержки. Эта фаза была названа фазой институциональной поддержки.

²² Из 48 проектов 26 были связаны с Университетом Тромсё. Служба научной документации.Forskningsdokumentasjonstjeneste O. f. H. Program for samisk og kvensk språk, historie og kultur Forskningsprosjekter 1979–90. 1991.

Несмотря на сходство в обращении с меньшинствами со стороны государства, во время планирования исследовательской программы были подняты вопросы о том, было ли правильно использовать один и тот же подход в отношении сообществ саамов и квенов. Культура саамов не была однородной. Существовала необходимость в более тонких подходах в исследованиях.²³

Был сделан акцент на рекрутинг саамов для исследования саамских отношений, и средства были направлены на рекрутинговые предприятия в форме студенческих стипендий в саамском разделе программы. Обоснованием этого момента стало утверждение, что «данный вопрос может рассматриваться в рамках исследования «коренного саамского народа», и иначе чем для «меньшинства квенов»²⁴. Другая причина относиться к сообществам по-разному заключалась в том, что ассимиляция поселений квенов была очень значительной, и поэтому исследование будет иметь форму «перспективы спасения», что не применимо для саамской культуры. Таким образом, тематические предложения по исследованиям были более разнообразными в саамской программе, чем в программе исследований квенов.

По-видимому, некоторые вопросы легли в основу различного отношения к двум группам. Социальная наука, теоретизирующая вокруг выражения «этническая принадлежность», проявившаяся в начале 1970-х гг., способствовала акценту на самобытности групп. Общие отношения идентичности, которые развивались во взаимодействии между саамами и квенами в течение поколений, стали менее заметными.

Сообщества саамов были, как правило, более известными, чем квенов, отчасти потому, что квены редко обсуждались центральными властями и потому, что сама группа в то время не признавала себя квенами, а скорее норвежскими финнами или финско-говорящими норвежцами.²⁵ С финской академической точки зрения их называли *Ruijansuomalaiset*, финнами Северной Норвегии, тогда как норвежский государственный термин и название группы было квены (*kvener*).²⁶ Исследования саамов имели более давнюю традицию и были гораздо более разносторонними и всеобъемлющими, чем исследования квенов

²³ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 14.

²⁴ Попытки нанимать квенов были начаты после промежуточной оценки в середине 1985 г.

²⁵ Название «квен» было истолковано как одиозный ярлык для чужой группы этим меньшинством.

²⁶ Когда исследователи, которые сами могли представлять это меньшинство, писали диссертации, начиная с 1970-х гг., большинство из них выбрали менее значимые выражения. В связи с этнической парадигмой примерно с 1980 г., все они, более или менее, перешли к использованию выражения «квен», определив это как этническую группу, которая сама по себе имела право требовать сохранить свой язык и культуру. Норвежская ассоциация квенов (*NorskeKvenersForbund*) была основана около семи лет спустя, и части этого меньшинства затем взяли название «квен» для собственного использования.

[12, Minde H.]. Норвежские исследователи, проводящие полевые работы в Северной Норвегии после войны, почти полностью сосредоточились на общинных связях саамов, и большая часть этого была связана с процессами ассимиляции и этнополитики.²⁷ Масштабы исследований квенов были гораздо скромнее [13, Niemi E., с. 11].²⁸

Политический статус этих двух групп, вероятно, повлиял на приоритетность в рамках программы. Дискуссия того времени о меньшинствах и политическая мобилизация саамов, возможно, способствовали установлению приоритета саамов, который казался более очевидным, чем у квенов. Ещё в 1965 г. Комитет саамов работал над статусом «коренного народа», и во время «дела Алты» это выглядело как доминирующее выражение. Этнополитическая мобилизация саамов с 1970-х гг. и связи с международным движением коренных народов способствовали переименованию саамов с «норвежцев, говорящих на саамском» в самостоятельную этническую группу со статусом коренных народов. Дифференциация была основана на том факте, что квены, в отличие от саамов, составлявших меньшинство по международному праву, находились в том же положении, что и другие иммигранты, поскольку они решили покинуть Финляндию [14, Larsen C.B., с. 97–98].²⁹ Статус квенов считался статусом отдельной этнической группы, с государственной точки зрения они считались иммигрантами или «потомками финских иммигрантов с восемнадцатого и девятнадцатого веков».³⁰

Исследователи, имеющие академическую подготовку в исследованиях саамов, доминировали в группе, которая принимала участие в предварительном проекте. Устные источники утверждали, что баланс между темами саамов и квенов в то время не воспринимался как проблематичный, но это происходило по структурным причинам: учёных-саамов просто было больше, чем квенов. И саамов было не так много.³¹

Историк Эйнар Ниemi впоследствии проанализировал иерархическую классификацию между коренными народами и иммигрантами. [15, Niemi E.]. Это не обсуждалось в связи с

²⁷ В области социологии (Vilhelm Aubert, Per Otnes), этнологии (Gutorm Gjessing, Knut Kolserud, Ørnulv Vorren), социальной антропологии (Harald Eidheim, Robert Pain), языкознания (Kondrad Nilsen, Knut Bergsland, Thor Frette and Asbjørn Nesheim) и педагогики (Helge Dahl, Anton Hoëm).

²⁸ В области лингвистики (Anna-Riitta Lindgren, Marjut Aikio), истории иммиграции (Terje Henninen, Einar Niemi), политики (Einar Richter Hansen), социальной антропологии (Ivar Bjørklund) и локальной истории (Hans Kristian Eriksen).

²⁹ Это было заявлено ещё в 1962 г. судьёй Верховного суда Терье Вольдом и повторено в докладе Комиссии по правам саамов. Norges Offentlige Utredninger, nr. 13 om Norske samers rettslige fremtid : samerettsutvalget med delinnstilling våren -84. Menneskerettigheter p. 386.

³⁰ Отмена этого статуса иммигрантов была главной целью Норвежской ассоциации квенов с 1987 г., таким образом, удовлетворяя требование преподавания в школах на финском языке. В 1998 г. Они получили статус национального меньшинства в Норвегии.

³¹ Интервью с Эйнаром Арне Дривенес, 2015.

планированием гуманитарной программы, но стало предметом внимания в 1980-х гг. на научном теоретическом семинаре, в котором участвовал профессор Пекка Саммаллахти. Он узаконил различие между саами и квенами, относящимся к различным категориям меньшинств. По словам Саммаллахти, «меньшинства» возникли в результате национального государства и идеалов национального романтизма в отношении нации, языка и культуры. Саамы и квенские меньшинства были разными, во-первых, потому, что у квенов была Родина, а саамы были без земли [16, Sammallahhti P., с. 129]. Во-вторых, квены представляли собой иммигрантское меньшинство, тогда как саамы были коренными жителями в их собственной среде. В-третьих, квенский язык и культура квенского меньшинства находились в процессе быстрой ассимиляции, тогда как эти процессы были не столь очевидны в случае с саамами. В-четвертых, со стороны саамов возрастала решимость вернуть и сохранить саамский язык и развивать свою культуру, в то время как квенское меньшинство от этого уже отказалось. Последствия этого заключались в том, что исследователи общинных отношений квенов пытались выяснить, что *произошло*, в то время исследователи общинных отношений саамов, пытались выяснить, с точки зрения будущего, что *произойдёт*. Для саамов это был вопрос жизни; для квенов — вопрос смерти.

Поскольку эти различия были настолько очевидными, особенно с точки зрения Саммаллахти, есть основания спрашивать, почему исследование квенов было включено в ту же программу, что и саамов. Причиной этого могут быть тенденции в области истории, поскольку в предыдущее десятилетие была принята национальная перспектива, где история рассматривалась снизу, в отличие от истории, которая была видна сверху. Местная и региональная история были в оппозиции к истории страны. Другим важным элементом было соотношение историков, участвующих в предварительном проекте, и центральные позиции Херстада и Бьорго в программе. Вероятно, что мнение исторической секции способствовало тому, что квены получили место наряду с саамами в исследованиях меньшинств. Местные историки считали, что важно рассматривать население Северной Норвегии в целом, а квенские общины, подобно саамским, имели опыт, связанный со статусом меньшинства. В то время как программа была создана, книга историков Кнута Эйнара Эриксона и Эйнара Ниеми, «Den finskefare» («Финская опасность») была опубликована в качестве центрального вклада в историю норвегизации. Книга получила большое внимание и поместила отношения квенского сообщества в центр внимания [17, Eriksen K.E., Niemi E.].

Есть основания полагать, что исследовательские усилия в области языка саамов и квенов, их истории и культуры находились под влиянием одной и той же ситуации, а также

были в центре всеобщего внимания к этнической принадлежности начиная с 1970-х г. Однако следует признать тот факт, что споры о меньшинствах, связанные с правами саамов, повлияли на выбор исследований таким образом, что исследования по саамским отношениям получили больше внимания, чем исследования, посвященные отношениям квендов. Политическое участие саамов могло способствовать тому, что количество саамов, попавших в академические круги, было больше количества лиц из финского меньшинства; что в свою очередь повлияло на условия, темы и соотношения между двумя группами. Но это само по себе не объясняет дифференциацию. Традиция исследований саамов всегда была более всеобъемлющей. Причина включения исследований квендов также может быть связана с повторным открытием меньшинств в 1970-х гг., и учёные рассматривают это как один из вопросов, входящих в общую ответственность за местную историю. Намерения программы были полностью согласованы с желанием университета Тромсё содействовать региональным исследованиям, которые принесли бы пользу обществу.

Перспективы исследований

Новые перспективы исследований, требования к набору персонала и природоохранные предприятия сформировали мотивацию к открытию гуманитарной программы. Это мероприятие было способом проведения исследований по меньшинствам наравне с исследованиями в области культуры Норвегии, которые в течение 1980-х гг. были бы основой исследований по теме отношений саамов и квендов [10, Baudou E., с. 53].

Вместе с разделом научной теории была надежда на то, чтобы проиллюстрировать более сознательную или ясную теорию, касающуюся гуманитарных исследований меньшинств, где основной вопрос был посвящён взаимосвязи науки и общества. Какова была бы роль таких исследований для групп исследуемого населения? Программа продемонстрировала чёткую связь между исследованиями в области социальных и гуманитарных наук, что в какой-то степени было связано с междисциплинарным мышлением в Университете Тромсё, а также с общей тенденцией к национальному и международному [18, Fulsås N., с. 144]. Теория и методы социальных наук, такие как теория реляционной этнической принадлежности Фредрика Барта и критика позитивизма Ханса С্কьервхайма, должны были использоваться в гуманитарных предметах, таких как история, археология и язык. Критика позитивизма была центральной в новом университете в Тромсё, и студентам, даже на предварительном этапе учёбы, представляли критику объективистских исследований.

Программный синтез и программная философия для исследования не были подготовлены заранее, но должны были быть разработаны с течением времени.³² Одна из проблем, связанных с исследованиями меньшинств, заключалась в том, что ряд центральных и фундаментальных проблем не был прояснён, а вклад научной теории, в частности, был направлен на их решение [19, Kallerud E.N., с. 3].³³ Был проведён ряд научно-теоретических семинаров, подобных проведённому в ноябре 1983 г. в Тромсё, в котором приняли участие 55 лингвистов, историков, социологов и музейных сотрудников, для обсуждения фундаментальных вопросов, связанных с исследованием отношений саамов и квенов. Участники представляли гуманитарную программу, а также саамские исследования/исследовательскую группу саамских этнических отношений.³⁴

Тема была широкой и оставляла пространство для многих перспектив и точек зрения как академического, так и политического характера. В дальнейшем я представлю ряд исследователей, которые могут продемонстрировать, какие перспективы могут быть включены в исследования по меньшинствам.

Профессор истории Нарве Бьорго утверждал, что гуманитарная программа лежит на границе между исследованиями, исследовательской и культурной политикой; он также чувствовал, что она там, где и должна быть.³⁵ Когда культурное понимание является предметом изучения, во внимание должны быть приняты различные точки зрения. Бьорго различал внутреннюю и сравнительную перспективу, и обе были центральными. Тем не менее, он дал понять, что перспектива изнутри имеет приоритет. Признание того, что небольшая нация / группа людей имеет «тот же широкий спектр в общих выражениях жизни», что и более крупные культурные общины было «на самом деле [...] не более чем требованием о культурной справедливости».³⁶ Одним из условий достижения этой цели было привлечение меньшинств в программу.

³² Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning." (A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 9.

³³ Секцией научной теории программы руководил философ из Аль-Исак Кекитало из ССИ. Его руководящая группа включала профессора Нарве Бьорго в качестве председателя, профессора Инге Леннинга (теология, Университет Осло), старшего преподавателя Кнута Веннеслана (Бергенский университет) и исполнительного директора Эгила Каллеруда в качестве секретаря.

³⁴ Программа в области саамских исследований «Культурные вариации и межэтнические процессы», которая продолжалась с 1983 по 1988 г., финансировалась Советом по исследованиям в области социальных наук (Rådetforsamfunnsvitenskapeligforskning, RSF) в NAVF, KAD(Kommunal-ogarbeidsdepartementet, Министерство местного самоуправления и труда Норвегии) и UiT.

³⁵ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerande notat til Rådet for humanistisk forskning."(A. 99.00.114) Tromsø, 1980. p. 12.

³⁶ Там же, с. 10.

Культура была главным аналитическим выражением, которое функционировало, согласно Бьёрго, как интегрирующий элемент по дисциплинам. Он упомянул об историческом опыте исследований меньшинств и считал, что это было средством разработки метода, действующего как «стимул» в дискуссии об объективности, которая продолжалась с конца 1960-х гг. Одним из академических вопросов, важных для историков, был статус исследований меньшинств в отношении традиционных критериев научного качества.³⁷ Считалось, что такие выражения, как «точки зрения» (*synsvinkler*), «термины» (*premisser*) и «ценностная основа» (*verdigrunnlag*), становятся всё более очевидными в процессе исследования. Развитие в этой области было полезно и снимало методические ограничения. Он считал, что академическим и социальным аспектам исследований не нужно противостоять друг другу, а нужно «объединиться в общепринятой нормативной системе, охватывающей исследовательскую этику и исследовательские качественные базовые требования».³⁸ Исследования в отношении меньшинств имели существенные теоретические импульсы для проведения традиционных исследований в установленных областях, которые необходимо поощрять.

Цель создания фундаментальных исследований в рамках различных дисциплин возникла из политической цели — предоставить меньшинствам возможность заботиться, защищать и развивать свою собственную культуру. Бьёрго утверждал, что исследования в области культуры саамов и квендов должны проводиться сверх определенного объёма исследований, которые были проведены до сих пор [20, Universitetet i T., с. 198].³⁹

Кроме того, он не видел проблемы в том, чтобы подчеркнуть перспективу фундаментальных исследований, в то же время стремясь выполнить более сложные социальные задачи в краткосрочной перспективе на фоне исследований, основанных на аналитических сведениях. Долгосрочное и общее накопление знаний (фундаментальные исследования) и конкретная категория решения проблемы (прикладные исследования) были двумя измерениями исследований. Кроме того, Бьёрго считал, что третье измерение возникало, когда исследователи отваживались выйти за рамки своей работы и демонстрировали конструктивистский потенциал исследований: «Исследование является культурным выражением. Само его существование — формирование культуры и формирование ценности. И оно является силовым образующим». К сожалению, более ранние исследования в этой области часто проводились большинством. Чувство принадлежности к культуре, которая в исследовательской перспек-

³⁷ Там же, с. 15–16.

³⁸ Там же, с. 16.

³⁹ «Деятельное исследование» (*Aksjonsforskning*) было термином в Университете Тромсё, используемом, в частности, учёными-социологами. Исследователи выносили свои обязанности за пределы чистого описания и анализа рассматриваемой области, предпринимая шаги для решения проблемы, с которой они столкнулись.

тиве имела, прежде всего, статус объекта для учёных вне культурного сообщества, было болезненным опытом для многих.⁴⁰ Саамы должны были освободиться, а социальные отношения должны были быть изменены посредством исследований.

Семинар также выявил дисциплинарные позиции, исследовательскую институциональную политику и напряжённость между гуманитарными и социальными науками. Представители музейного сектора, профессор саамской этнографии Эрнульф Воррен и куратор Дикка Шторм из этнографического отдела Музея Тромсё столкнулись с проблемами, связанными с практической, дисциплинарной и академической политикой в своих культурных исследованиях. Их проблема заключалась в том, что деятельность музея не была признана исследовательской. Музей имел давнюю исследовательскую традицию, и, тем не менее, статус исследований считался более слабым [21, Vorren Ø., с. 50]. Воррен ссылаясь на дискуссию с NAVF, в которой обсуждалась степень, с которой сбор объектов считался научной работой. Уведомление из NAVF о том, что это не было научным, было странным, поскольку в коллекциях музея содержались археологические материалы, материалы интервью, фотографические и плёночные материалы. Воррен объяснил, что музеи являются документационными центрами научной работы и показывают предметы для рассмотрения в значимом контексте. Исследование подразумевало знание множественности, управляемости материала и его функционального контекста в пределах его собственной культурной среды и за её пределами, а также внутри и за пределами других культур. Новые социальные науки, которые выросли в послевоенный период, создали проблемы для исследовательских ценностей музея в отношении культурно-исторических предметов, что, по словам Воррена, носило особый характер в отношении исследований в Университете Тромсё. Одна из проблем заключалась в том, что не было соответствующих образовательных программ, которые позволяли бы нанимать людей на должности в музее, и это было связано с тем, что учебный сектор перешёл от «традиционных музейных исследований с исчерпывающими материалами и описательной основой для анализа к модельному мышлению и абстракции, проблематизации и гипотезам в синхронной перспективе» [21, с. 52]. Воррен утверждал, что тенденция, которую его предшественник Оле Солберг (1879–1946) начал в 1920-х и 1930-х гг., не смогла развиваться из-за новой «академической методологии» или «академической этики», которая пришла после войны «с запада» (США). Это подразумевало, что историческая перспектива, конкретные музейные материалы и культурная документация потеряли свою ценность. Та-

⁴⁰ Bjørge N. "Fagleg utviklingsprogram for samisk og kvensk: språk, historie og kultur. Oppsummerandenotattil Rådetforhumanistiskforskning." Tromsø, 1980, p. 21.

кое образование ранее предлагалось Этнографическим музеем в Университете Осло, но теперь его больше нигде не было. Дикка Сторм подтвердила необходимость обучения персонала. Отделу не хватало времени, и он нуждался в квалифицированном персонале для выполнения различных задач [22, Storm D., с. 62]. Исследовательская работа включала в себя работу с коллекциями и внешними мероприятиями в дополнение к исследовательским и документальным работам [22, с. 63].⁴¹

В Комиссию по ресурсам Финнмарка (Ressursutvalget для Finnmarksvidda) были представлены отчёты, заявления в органы оформления прав, для Комиссии по правам саамов — контрольные и подготовительные материалы, а также материалы расследований и документы по культурному наследию в связи с развитием «дела Алты», которые были утечкой ресурсов. Рабочие обязанности в связи с новым законом о культурном наследии 1978 г. оказали особенно пагубное воздействие на другие виды деятельности. Сторм выступала за усиление акцента на культурном развитии саамов как учебном предмете. Она сделала вывод о том, что это не только решит практические задачи исследований в области культуры, но также будет развивать академическую и теоретическую работу [22, с. 65–69].

Критика этнографов в основном связана с невежеством в отношении того, что их деятельность не оценивалась как исследование наравне с модельным мышлением и теорией социальных наук в синхронной перспективе. С их точки зрения, описательная документация была существенной, и её интерпретация была предпосылкой для исследований. Критика не была напрямую адресована антропологам в Университете Тромсё, но могла быть понята как таковая. Исследования саамских отношений продолжались непрерывно в музее Тромсё со времен лапполога Квигстада. Когда был основан Университет Тромсё, основная ответственность за эту тему была отведена группе исследований саамов/этнических отношений, которая ассоциировалась с новыми социальными науками, разработанными после войны, новыми теориями в изучении народов и культур.⁴² Выдающиеся лица, придерживавшиеся этой тенденции, включали в себя в том числе антрополога Фредрика Барта (1928–2016), который был представителем академической политики в Академической комиссии по социальным наукам во время процесса планирования для Университета Тромсё и который ввёл реляционную перспективу в отношения между этническими группами [23, Barth F.]. Исследователи

⁴¹ Документационная работа была связана с основным планом исследований, который был разработан ещё в 1950-е гг. Темы включали старинное сообщество охотников (культура охоты, археологические термины), дохристианская религия и мифология, оленеводство и кочевничество и прибрежные саамские поселения.

⁴² Учёные из группы саамских исследований/этнических отношений были участниками семинара, но не читали лекции, хотя эта тема, очевидно, имела отношение к социальным наукам. В сотрудничестве с антропологами был организован следующий научный семинар по теории, который был организован в 1984 г. в Каутокейно.

саамов/исследователи межэтнических отношений были связаны с антропологией и приняли реляционную перспективу Барта как основную перспективу их анализа саамского общества. Особенность этой исследовательской группы заключалась в том, что они также анализировали прошлые общества, используя ту же самую перспективу, переходя тем самым в традиционные гуманистические области, такие как этнография и история.

Гипотетическое сотрудничество между саамским этнографическим отделом в музее Тромсё и исследованиями саамов/этническими отношениями не оправдалось. Профессор антропологии Пер Матисен объяснил, что причина этого в том, что они встали на разные перспективы знания. Документальный и описательный подход Воррена к саамскому обществу отличался от аналитического подхода антропологов к позиции саамов в норвежском обществе.⁴³

Антропологи в исследованиях саамов/этнических отношений отвечали за переход от лаппологии к аналитической социальной науке. Неявно этнографы представляли традицию лаппологов. Матисен воспринимал знание как нечто, что одновременно включало академическую и политическую составляющую, в то время как Воррен считал, что знания во многом основаны на объективных фактах. Однако сомнительно, что Воррен согласился бы с этим описанием. Основными областями лаппологии были саамский язык, история, религия и общественные отношения; она имела междисциплинарную отправную точку, с лингвистикой и культурной историей как общим знаменателем, а также варианты истории, географии, археологии и этнологии в учебной программе [24, Niemi E., с. 197].

Исследователями, частично придерживавшимися этой традиции из послевоенного периода, были Хельмер Тегенгрен из Финляндии, Эрнст Манкер из Швеции и Кнут Бергсланд из Норвегии, но у них был более сильный «монодисциплинарный якорь», чем у их предшественников. У Воррена были этнографические методы, которые характеризовались интерпретацией и герменевтикой, но, вероятно, более позитивистской, чем парадигма социальной науки, широко поддерживаемая исследователями института. Был введён новый контекст, в котором стало рассматриваться сохранение саамов: он ограничивался не только культурной, но и социальной сферой.

Отношения и соотношение между описательным и нормативным подходом в культурных исследованиях были ещё более политизированы назначением Самули Айкио в качестве лидера ССИ. Он утверждал, что исследования в отношении меньшинств не могут быть объективными, но всегда будут определять перспективу, которая будет служить некоторым

⁴³ Интервью с Пером Матисеном, 2014.

политическим интересам. Айкио направил свою артиллерию на более ранние антропологические исследования, которые, по его словам, процветали как выплаты от правящих сил (обычно колониальных держав), влияя таким образом на исследовательские вопросы. Они, по его мнению, на самом деле представляли свою собственную культуру и свои собственные интеллектуальные круги [25, с. 72]. Айкио утверждал, что исследования, спровоцированные саамами и о саамах, должны были служить той же цели для саамов, как исследование норвежской повседневной жизни и фольклора для норвежского общества. Утверждение о том, что исследования были свободными, как часто сообщалось в академических кругах, было неверным. Неоднократно было показано, что задачи исследований решаются силами, которые, например, являются целью создания национальной идентичности. Если бы саамы должны были проводить исследования по саамским отношениям, это должно означать, что они открыто и смиренно признали, что их целью было продвижение интересов саамов по отношению к обществу в целом и не поддаваться утверждению об объективности, которое на самом деле скрывало интересы власти [25, с. 73–74]. Айкио рассуждал, как и Бьёрго, о том, что исследования должны иметь положительное воздействие, но также быть конкретными в отношении того, кто должен проводить исследования: саами потребовали собственных исследований и своих собственных исследователей.

Исследования не обязательно должны были быть полезными для общества в целом — они должны были быть достаточными, чтобы отвечать собственным требованиям саамов. Также историк Хельге Сальвесен из Университета Тромсё согласился с Айкио в том, что потребность меньшинств в написании собственной истории и создании собственной идентичности ничем не отличается от того, что сделали норвежцы в течение XIX в. [26, Salvesen H., с. 115].

Широкое согласие было достигнуто в плане того, что отношения с общинами саамов также должны изучаться изнутри. В какой мере это должно быть сделано на благо только меньшинства, не было заявлено однозначно. Эйнар Ниemi, историк и (в то время) куратор совета района Финнмарк, утверждал, что подход, который принимал отправную точку со своей или чужой группой, был беспроblemным в том, что касается исследований в сообществе: важными были отношения между группами. Изучение одной культуры проливало свет на другую [27, Niemi E., с. 118]. Ниemi заметил, что культуры развивались по отношению друг к другу. Он считал, что саамское сообщество должно изучаться изнутри или «на условиях саамов» и по отношению к другим этническим группам, окружающим общинам, обществу в целом или национальному государству [27, с. 122]. Точно так же норвежская община должна изучаться по отношению к саамам.

Реляционная перспектива, связанная с теорией этнических групп, введённая Бартом, была ведущим средством подхода в исследованиях меньшинств в Университете Тромсё. Теория была первоначально разработана для современного анализа сообщества, и вследствие этого изменение парадигмы затруднило сотрудничество в исследованиях саами. Антропологи, историки и археологи в Университете Тромсё восприняли эту точку зрения при анализе прошлых сообществ, как то, что в норвежском контексте воспринималось как новое явление. Семинар показывает, что исследования охватывали и политику с точки зрения новой перспективы. Отсутствие меньшей заинтересованности в национальной группе квенов наблюдала этнолог Венке Олсен [28], но, кроме неё, никто не обратил на это внимания.

Заключение

Таким образом, «дело Алты» было самым значительным научным внешним фактором для создания связи между политикой и исследованиями в период с 1979 по 1985 гг. Исследователи позволили себе участвовать в политических действиях в Стилле, а также в академической проблематике самого дела.

Современные политические дебаты оживили необходимость знаний о меньшинствах на севере, и поэтому была создана программа «Язык, история и культура саамов и квенов». Можно предположить, что борьба за права саамов способствовала тому, что саамы получили приоритетное положение по сравнению с квенами. Научные тенденции, такие как теоретизация по этническому признаку, также способствовали рассмотрению разных групп отдельно друг от друга, и здесь можно проследить влияние Фредрика Барта с его центром внимания на этнических границах, а не на культурных встречах.

Необходимо было провести фундаментальные исследования культурных знаний по всем дисциплинам. В рамках исследовательской программы были сделаны научные теоретические размышления, которые заложили основы для перспектив знания. Дисциплинарная напряжённость выявилась между традиционными гуманитарными исследованиями в отношении меньшинств и перспективами социальных наук. Также очевидны тенденции к смешению этих разных точек зрения.

Было признано целесообразным использовать результаты исследования в политическом ключе. Затем был поднят вопрос о том, для кого предназначалось исследование. Исследователи действовали в соответствии с моделью из двух частей, где в силу принадлежности к меньшинству или большинству, одна была частью асимметричного баланса власти. Одной неявной нормой, а иногда и активно созданной иллюстрацией, было то, что меньшинства были жертвами общества большинства, и надежда заключалась в том, что исследова-

ния будут исправлять этот дисбаланс. С общим пониманием того, что меньшинство было подчинено большинству, никто не мог оправдать какую-либо перспективу, кроме той, что идеи саамов должны иметь приоритет над норвежскими. Используя эту модель, исследователи оставляли квенов без должного внимания. Большинство людей придерживалось мнения, что культура должна восприниматься изнутри, так же, как норвежские исследователи давали знания норвежской общине. Реляционная перспектива для исследования сообществ (большинство и меньшинство) по отношению друг к другу показывает, как метод социальной науки использовался в гуманитарных исследованиях. Было также открыто меньшинство квенов, для чего была использована теория этнической принадлежности, но предполагаемая слабость сообщества квенов не привлекала такого внимания, как саамское. Отчасти причиной тому могло быть то, что исследователи квенов имели меньше этнополитических привязок, чем исследователи саамов. На самом деле, в это время не было этнополитического внимания к квенам, и существовала меньшая потребность в политике идентичности.

Литература / References

1. Selle P., Semb A.J., Strømsnes K., and Nordø Å.D. *Den Samiske medborgeren*, Oslo, Cappelen Damm akademisk, 2015, 319 p.
2. Kalstad J.K.H. Nordisk Samisk Institutt gjennom sine første 30 år. Politisk overvåkning og samisk forskning. *Sámi instituhtta — 30 jagi : raporta Sámi instituhtta 30-jagi ávvudeamis 28102004 = Nordisk samisk institutt — 30 år : rapport fra markeringen av Nordisk samisk institutts 30-årsjubileum 28102004* / ed. Sámi instituhtta, Guovdageaidnu, 2005, 89 p.
3. Keskitalo A.I. Nordisk Samisk Institutt — et tilbakeblikk. *Sámi instituhtta — 30 jagi : raporta Sámi instituhtta 30-jagi ávvudeamis 28102004 = Nordisk samisk institutt — 30 år : rapport fra markeringen av Nordisk samisk institutts 30-årsjubileum 28102004* / ed. Sámi instituhtta, Guovdageaidnu, 2005, 89 p.
4. Keskitalo A.I. Research as an inter-ethnic relation. Samfunnsforskning og minoritetsamfunn / foredrag på Nordisk etnografmøte, Tromsø, 1974, *Acta borealia, B Humaniora*, 1976, volume 13, pp. 15–42.
5. Ramstad J.B. and Saugestad S. Samiske studier — et tidsbilde og noen analyseperspektiver, *Norsk antropologisk tidsskrift*, volume 26 (2), 2015, pp. 92–110.
6. Thuen T. (ed.) *Samene — urbefolkning og minoritet: hva er grunnlaget for samenes krav om rettigheter som eget folk?* Tromsø: Universitetsforlaget, 1980, 196 p.
7. Stordahl V. Antropologi i den fjerde verden, *Norsk antropologisk tidsskrift*, volume 7 (3), 1996, pp. 175–186.
8. Thuen T. Bibliografi ca 1970–1980 over samiske samfunnsforhold. *Samene — urbefolkning og minoritet: hva er grunnlaget for samenes krav om rettigheter som eget folk?* / ed. Thuen T., Tromsø, Universitetsforlaget, 1980, 196 p.
9. Bjørklund I. and Brantenberg T. *Samisk reindrift — norske inngrep. Om Altaelva, reindrift og samisk kultur*, Tromsø, Universitetsforlaget, 1980, 131 p.
10. Baudou E. *Evaluerende av forskningsprogrammet Samisk og kvensk språk, historie og kultur*, Oslo, Rådet for humanistisk forskning (RHF), Norges allmennvitenskapelige forskningsråd (NAVF), 1992, 86 p.
11. Niemi E. Læstadianismen—dens bakgrunn og betydning for de finske innvanderne, *Etniske grupper — læstadianisme — sentrum / periferi i nordnorsk historie* / ed. Historisk klubb. Stensilserie B-historie, Tromsø, Universitetet i Tromsø, 1975.
12. Minde H. *Samenes historie som etterkrigshistorisk forskningsfelt*, Bergen, LOS-Senteret, 1992, 82 p.

13. Niemi E. Kvenforskningen: Et forskningshistorisk perspektiv, *Kvensk forskning: rapport fra kvenseminaret ved Universitetet i Tromsø, mai 2000* / ed. Teemu Ryymin & Elin Karikoski, Tromsø, Institutt for historie, Universitet i Tromsø, Speculum Borealia, No. 2, 2001, pp. 7–29.
14. Larsen C.B. *Oppgjøret som forsvant? Norsk samepolitikk 1945–1963*, Tromsø, Universitetet i Tromsø, Mastertheses, 2012, 139 p.
15. Niemi E. Kategorienes etikk og minoritetene i nord: et historisk perspektiv, *Samisk forskning og forskningsetikk*, NESH-Publikasjon, No. 2, 2002, pp. 22–44.
16. Sammallahti P. Language, culture and resarch, problems of understanding. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 125–130.
17. Eriksen K.E. and Niemi E. *Den finske fare: sikkerhetsproblemer og minoritetspolitikk i nord 1860–1940*, Oslo, Universitetsforlaget, 1981, 470 p.
18. Fulsås N. *Universitetet i Tromsø 25 år*, Tromsø, Universitetet i Tromsø, 1993, 342 p.
19. Kallerud E.N. (ed.) *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport*, Oslo: Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984.
20. Universitetet i Tromsø, *Innstillinger om filologiske fag og samfunnsfag ved Universitetet i Tromsø: førebunde studium i filosofi, språkfag, historie, pedagogikk, samfunnsvitenskapelige fag*. Tromsø, Universitetsforlaget, 1972, 265 p.
21. Vorren Ø. Grunnlagsproblemer i kulturforskningen, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 43–56.
22. Storm D. Grunnlagsproblemer i kulturforskningen, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 57–69.
23. Barth F. (ed.) *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*, Oslo: Universitetsforlaget, 1969, 153 p.
24. Niemi E. Vitenskap og politikk: lappologen Jens Andreas Friis og de etniske minoritetene 1860–1890, *Veiviser i det mangfoldige nord: utvalgte artikler av Einar Niemi* /ed. Fredrik Fagertun Stamsund, Orkana, 2014, pp. 197–209.
25. Aikio S. Kulturforskningens grund och problem — en kommentar. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 71–74.
26. Salvesen H. Forholdet mellom historisk forskning og etnopolitikk. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 99–115.
27. Niemi E. Kommentar til Helge Salvesens foredrag. *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 117–124.
28. Olsen V. Kommentar til vitenskapsteoretisk seminar i tilknytning til NAVFs / RHF's forskningsprogram. "Samisk og kvensk språk, historie og kultur i Tromsø 8–10. november 1983, *Samisk og kvensk språk, historie og kultur: seminarrapport* / ed. Kallerud E.N., Oslo, Rådet for humanistisk forskning, Norges almenvitenskapelige forskningsråd, 1984, pp. 131–145.